"В Петрограде я родился..."

I.

В Петрограде я родился,
и вырос я в кругу своих,
и воровать я научился
у приятелей своих.

II.

Все родные мои тети,
все утешилися мной,
отдали грамоте учиться,
чтоб вышел мальчик не плохой.

III.

Но мне ученье не далося
и я с ученья плитовал,
мне жизни новой захотелось
и я начал воровать...

IV.

Днем ходил я по трущобам,
а ночью шел я воровать,
брал я фомку, шпайку в руки
и шел скачки искать.

V.

И вот минуло мне шестьнадцать,
тогда и умер мой отец,
ни стал я матери бояться,
и стал я форменный подлец.

VI.

Стал по трактирам часто шляться,
и стал я девочек любить,
и воровать я научился,
и пошел по тюрьмам шить.

VII.

Первый строк сидел немного,
четыре месяца всего —
когда я вышел на свободу,
ни стал бояться никого…

VIII.

Старший брат мой был легавый,
хотел за мною подследить,
но как узнал, что я фартовый,
боялся близко подходить…

IX.

И вот минуло (21) двадцать первый,
меня в солдаты замели,
в солдатах стало трудно,
нашел дорожку как уйти…

X.

И вот приехал я в Одессу
и там нашел своих друзей,
загнал шинель, мундир, фуражку,
купил себе вольный пинжачек.

XI.

Ни чая вечера дождался
и взял я в руки долото,
в чужую хазу я забрался,
без шуму выставил окно…

XII.

Болдоха спал и тут проснулса,
он, стерва, запер ворота,
откуда два мента возмися,
меня связали молодца…
Вот привезли меня в участок,
где дело пристав разбирал
и как узнал, что я военный,
на Губ Вахту отослал.
Конец…

(Записал заключенный Ирк. Изолятора. Март 1926)

Другой вариант:

Все радные меня любили,
боловались надо мной,
учится в школу отдавали,
чтоб вышел мальчик неплохой.
А как исполнилось двенатцать,
я помню помер мой отец,
не стал я матири боятся,
и стал я уличный беглец.
Водку пить, воровать научился,
стал по тюрмам жить,
первый срок сидел недолго,
читыре месяца всего.
Когда я вышел на свободу,
то не боялся некаго,
имел ключи, имел отмычки,
имел я финское перо.
Не боялся ни с кем я стычки,
убить, зарезать хуть бы что,
а старший брат был легавый,
хотел за мною подследить.
А ну узнал с кем я знакомый,
боялся блиско подходить,
а как сравнялся дватцать первый,
меня в солдаты забрили.
Служба моя была тяжоло,
я выбрал дрошку [дорожку] и ушёл,

приежжаю я в Одесу,
кружак товарищей сваей.
Шинель казенную я продал,
купил я рваный пенджачек.
Не стал зари я дожидаться
и в шырму сунул долото,
в чужую хазу я забрался,
нешумно выставил окно.
А фраер спал и вдрук проснулся
и мигом запер ворота,
откуда взялися два мента,
связали меня молодца
и за побег, за лом квартиры
я на шесть лет в тюрму попал.
Звонит звонок от мирового,
а мировой судить не стал,
и он узнал, что я военный,
отправил меня в требунал.
А в требунале суд не лехкий,
отправляют в Сахалин,
прощай, прощай моя Одесса,
я уезжаю в Сахалин.

Конец.

(Записана Р-ым. Лето 1925 г. Иркутск-Звездочка)

Сибирская живая старина. Вып. I (V). Иркутск, 1926.